

На расстоянии фокуса, или Завтрак у пигмеев

«Никогда вы не найдете в наших северных лесах длиннохвостых ягуаров, броненосных черепах». Вот и устремляются фотоанималисты (а по старинке – фотоохотники) в дикие места за экзотикой и экстримом, на поиски того единственного кадра-выстрела, который поймает поцелуй бонобо, грустный взгляд игуаны или зевок бегемота. Проще, конечно, было бы фотографировать модель где-нибудь в студии. Но фанаты дикой природы не удовлетворяются стандартными фотосессиями. Они месяцами готовят экспедиции, часами добираются до места съемки в пыли, грязи, под ливнями и атаками ядовитых насекомых, проверяя на прочность себя и дорогостоящую технику. Они почти всегда рискуют. И всегда делают эксклюзивную съемку. Фотоанималистика, говорит известный российский фотограф Андрей ГУДКОВ, – не безобидное хобби, а весьма затратное и в моральном, и в материальном смысле дело.

– Андрей, по специальности вы – биолог. Именно образование привело вас в фотоанималистику?

– Все начиналось лет пятнадцать назад. Учился на биофаке, занимался морскими млекопитающими: дельфинами, китами, и часто бывал на практике – в различных экспедициях. Там увлекся фотографией. Параллельно с учебой работал в лабора-

тории специальной съемки: фотографировал операции на животных, снимал под микроскопом клетки. Когда появилась возможность приобрести качественную фототехнику, начал заниматься непосредственно фотоанималистикой.

– Вы стали вторым человеком после Франца Лантинга, мировой величины фотоанималистики, и первым фотогра-

фом из России, кто поехал в Демократическую республику Конго (Заир) снимать бонобо – вымирающий вид высших приматов. Заир – страна, не рекомендованная для посещения европейцами. Стоило ли так рисковать?

– Анималисты все немного того, – смеется мой собеседник. – За две недели до моего приезда в Киншасе была очередная заваруха со стрельбой. Но я готовил поездку почти полтора года. Бонобо – уникальные создания: ученые установили, что генотип *Homo sapiens* и *Pan paniscus* (их латинское название) совпадает на 98 процентов! Когда наконец получил разрешение директора парка «Lola ya bonobo» («Рай для бонобо») мадам Клаудин Андре, как я мог не поехать? В естественной среде обитания этих приматов почти не осталось. Во всем мире их единицы. А в парке у госпожи Андре живет 55 особей.

– За какими еще уникальными объектами съемки доводилось охотиться, в каких потаенных уголках мира бывать?

– Работал в Кении, Конго, Уганде, ЮАР,

Замбии, Зимбабве, Эквадоре, Новой Гвинее, на Галапагосских островах, на Яве и Суматре. На Сулавеси снимал, например, долгопята. В Новой Гвинее – панголина. На Дальнем Востоке на архипелаге Римского-Корсакова – тюленей. Птичьи базары – на острове Фуругельма.

То, что сегодня мы видим на фотографии, завтра, может быть, никогда больше не застанем в природе... Этим фотоанималистика и интересна. Почти каждый снимок уникален. Меня спрашивают, к примеру: «Зачем тебе ехать на Галапагоссы снимать игуан: их уже сто раз фотографировали?» Ну и что? Поставьте одного слона и двадцать репортеров – в итоге будет двадцать разных изображений. Мои западные коллеги всегда говорят: «Русские снимают по-другому!» У нас нет рамок, нет шаблонов. Мы делаем что-то свое. И делаем это хорошо.

– В чем специфика жанра?

– Этот жанр сопряжен с большими затратами на технику, на переезды, на организацию экспедиций. Профессиональных фотоанималистов во всем мире можно пересчитать по пальцам: Стив Блум, Франц Лантинг, Майкл Николз и еще несколько человек. В России есть фотографии, которые снимают только определенных животных. Например, Валерий Мосейкин и Виктор Тяхт «специализируются» на птицах. Есть Игорь Шпиленок, Владимир Дмитриев. У нас очень хорошая школа подводной фотографии. Она представлена Дмитрием Виноградовым, Александром Ратниковым.

Но классическим фотоанималистом могу назвать лишь одного отечественного мастера – Сергея Горшкова. Он действительно понимает этот жанр, знает все тонкости работы. Снимает десять лет, в основном Камчатку. Недавно выпустил фотоальбом «Медведь».

В последнее время жанр в нашей стране стал потихоньку развиваться. Люди начали покупать дорогую технику, ездить и, главное, – снимать, снимать и снимать. Тем не менее анималистов не может быть много. Камеру за десять тысяч долларов и объектив за двенадцать могут позволить себе только состоятельные люди. Но если хочешь делать снимки, которые будут котироваться и в России, и за рубежом, потратиться на аппаратуру придется.

– Сколько лет существует школа фотоанималистики на Западе и начала ли она формироваться у нас?

– Такая школа существует с тех пор, как первый снимок попал в журнал «National Geographic». На Западе есть так называемые

мый «лифт», который позволяет самым талантливым, лучшим подниматься наверх. Есть, например, в стране корифеи, и вдруг пришел ты со стороны с уникальным кадром, заявил о себе – тебя сразу замечают. Одновременно попадаешь в конкурентную среду. На это работает целая индустрия. Кроме того, многие национальные парки находятся под жестким контролем европейских природоохранных организаций, доступ туда профессиональных фотографов лимитируется высокой стоимостью лицензии на съемку. Запад строго следит за сферой своих интересов, поскольку в конечном счете это бизнес.

В России пока такой системы нет. Наш рынок молод, он на стадии формирования. Пока нет хорошей рекламы. Нужно чаще издавать альбомы и книги российских авторов, знакомить зрителя с работами российских мастеров, чаще устраивать выставки, в том числе передвижные.

В 2006 году был сделан первый шаг – организован конкурс фотоанималистов «Золотая Черепаха». Итоговую выставку только за первые две недели посетило около 14 тысяч человек! В прошлом году аудитория конкурса расширилась: в нем участвовали авторы из России, Украины, Израиля, Беларуси, Германии, Казахстана, США, Болгарии, Индонезии, Канады, Латвии, Литвы, Узбекистана, Молдовы, Швейцарии, Эстонии. Думаю, этот конкурс станет мощным инструментом качественного отбора работ фотографов и послужит неким трамплином для последующей карьеры.

– Ваша работа основана не только на тщательной «предполетной» подготовке, но и на везении: невозможно предсказать, как поведет себя то или иное животное. Раскройте секрет: как договориться с дикими животными?

– Я вывел формулу хорошего кадра: пятьдесят процентов – удача, тридцать – хороший гид, десять – техника и еще десять – погодные условия. С гидом провожу настоящее двух-трехчасовое собеседование, чтобы научить его переживать ситуацию, как я сам. Сделал удачный кадр

– он празднует это со всеми своими родственниками, не удалось – плачет всю ночь. Гид инструктирует и охраняет: если ползешь к детенышам льва, он следит, чтобы львица не набросилась сзади. Если надо снять стадо антилоп, прыгающих через болото, несколько проводников устраивают целые операции: гонят их по намеченному маршруту, а я сижу в укрытии и спокойно работаю.

Важно учитывать и другие факторы: время года, время суток. Например, особенно красивы, но и столь же опасны животные в брачный период. Можно идеально подготовиться к экспедиции: досконально изучить страну, население, климат, найти отличного гида, залезть в непроходимый лес, а зверь к тебе не выйдет. У меня такое было с яванским носорогом в национальном парке Индонезии. Я потратил уйму сил и денег, чтобы попасть туда – и все впустую... Вернулся в Москву, а гид еще и письмом «добил»: мол, вскоре видели парочку. А бывает наоборот: проводник говорит, что давно в этих местах лео-

пардов не было. Приходишь – вот они, резвятся. И гид удивляется – повезло!

– Фотографирование животных – это всегда съемка скрытой камерой, маскировка, или есть и те, кого фотографируете открыто?

– При съемке птиц у гнезда, стадных животных на лежбищах мы используем засидку – маленькую палатку. Человека в ней не видно, запаха животные не чувствуют. Постепенно привыкают к ней, перестают обращать внимание, расслабляются, а ты делаешь кадры.

Вообще все дикие животные стараются уйти от человека. Другое дело, когда работаешь с высшими приматами: гориллами, шимпанзе, орангутанами, бонобо. С ними всегда можно договориться жестами. На Суматре, например, мы нашли дику самку орангутана с детенышем, которая совершенно спокойно шла на руки. В Заире в национальном парке «Рай для бонобо» я спокойно общался с малышами бонобо: мы корчили друг другу рожи, улыбались. Львов тоже можно просчитать:

понимаешь границу дозволенного. А вот с носорогами и крокодилами – все бесполезно. Они непредсказуемы. Монстры.

– Вы подвергались атакам животных?

– По-настоящему страшно было, когда снимал с крыши едущего джипа стадо слонов в Кении. В какой-то момент старый самец вдруг развернулся и пошел на нас. Как потом оказалось, машина пересекла слонам путь – чего делать категорически нельзя. Он шел, трясая головой и вскидывая хобот, а я снимал – лоб в лоб. Минуту мы смотрели в глаза друг другу. Потом слон медленно развернулся и ушел...

Но настоящий экстрим связан, как ни странно, не с животными, а с людьми. Три года назад у меня была экспедиция к пигмеям племени бака в Конго. Мы, трое белых людей и гид, – и целая деревня пигмеев. Добирались туда сначала на самолете – почти 1000 км вглубь джунглей, потом на машине – 170 км по старой колее, оставленной лесовозами, и еще почти сутки пешком. Нет связи, ограниченное количество воды, жарища невыносимая, жалящие насекомые.

Пока мы шли до деревни, про нас ее обитателям стало известно. К нашему приходу они успели спрятать женщин и детей. В первую ночь никто не спал: ни мы, ни аборигены. Было не по себе. И все-таки контакт наладить удалось. В какой-то момент мы остались без продуктов и палаток – все смыло ливнем. Пигмеи угощали нас фруктами, а на ночлег определили в свои крохотные хижинки. Прожили у них неделю.

Под конец местные жители сами приводили своих детей поглядеть в странную стекляшку, которая называется «объектив», вряд ли понимая, что это такое. А нам демонстрировали ритуальные танцы, исполнители которых входили в транс, и пение: смесь гортанных звуков, похожих на птичий пересвист. Смотришь – и понимаешь: перед тобой какое-то животное начало!

Анастасия БЕЛЯКОВА

